

ИОНИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ И ПОЗИЦИЯ СПАРТЫ

В начале V в. до н. э. в Греции особенно ощутимой стала угроза персидского нашествия. Покорение в 525 г. до н. э. Камбизом Египта нанесло огромный вред греческой, и особенно ионийской, торговле в этом районе. В 513/12 г. до н. э. Дарий совершил поход в Скифию, в результате чего в руках персов оказался пролив между Европой и Азией и контроль над греческой торговлей с районами Северного Причерноморья. Эта торговля была жизненно необходима особенно для Милета. Несмотря на то что скифы не были покорены, царь все же укрепился в Македонии и Фракии, что способствовало дальнейшему проникновению персов в Северную и Центральную Грецию также и по суше. Однако персидское нашествие на Грецию на некоторое время было задержано Ионийским восстанием.

Геродот — единственный автор, чьи сведения об этом восстании сохранились до наших дней. Он жил в то время, когда еще была свежа память об интересующих нас событиях. Этим и обуславливается необходимость выяснения как позиции Геродота по отношению к Ионийскому восстанию, так и степени достоверности его сведений. Геродот пользовался различными источниками. В некоторых случаях их можно точно назвать: например, Гекатей (V, 36, 125), лакедемоняне (V, 49—51), афиняне (V, 97). В других случаях можно подразумевать, что большую часть сведений Геродот мог получить в самих ионийских городах и, может быть, даже в Персии.

Однако уже давно ученые заметили, что, хотя рассказ Геродота об Ионийском восстании следует рассматривать в связи с общей направленностью его труда, а именно изображением борьбы эллинов и варваров, прежде всего бросается в глаза, как мало говорится в этом повествовании о борьбе ионийских греков за свою свободу. С самого начала Геродот говорит не о стремлении греческого населения Малой Азии выйти из подчинения персам, а об интригах, которые плели Аристагор и Гистий, стремясь осуществить свои честолюбивые планы. Долгое время ученые объясняли пристрастный рассказ Геродота, фактически враждебный по отношению к восставшим, зависимостью автора от его источников. Вот что, например, писал М. Кэрн в Кембриджской истории об Ионийском восстании: «Причина предрассудков Геродота, возможно, частично кроется в том, что он, выходец из Галикарнаса, будучи дорийцем по происхождению, был настроен против ионийских городов, которые играли руководящую роль в восстании. Но там, где Геродот пристрастно судит о делах, причина более всего кроется не в нем самом, но в его информаторах. Авторитеты Геродота пренебрежительно относились к восстанию, что наложило отпечаток на весь его рассказ»¹. Этот же взгляд имеет сторонников и в наши дни. Так, А. Блэмер и Дж. Эванс в своих статьях об Ионийском восстании трактуют различные сюжеты Геродота с тех же позиций². Таким образом, многие исследователи считают, что весь рассказ Геродота фальсифицирован под влиянием его антиионийских предубеждений. Причину же этих предубеждений видят в источниках Геродота, в его информаторах³.

На самом деле, однако, не отрицая возможности влияния на Геродота источников подобного рода, все же следует говорить не о предрассудках, а о взглядах самого историка. Геродот не ограничивался лишь пассивным пересказом всего того, что слышал. «Он отбирал услышанные истории, объединял их в более или менее стройный рассказ, стремясь дать событиям, о которых он говорит, свое собственное объяснение, основанное на его знаниях и на его образе мыслей»⁴. Это можно подтвердить, обратив

¹ М. Сагу, САН, IV, 1926, стр. 245.

² A. Blamir, Herodotus and Histiaeus, «Classical Quarterly», 9, 1959, стр. 142—154; J. A. Evans, Histiaeus and Aristagoras, AJPh, 84, 1963, стр. 113—128.

³ G. Busolt, Sparta und Ionischer Aufstand, Jahrb. f. kl. Pl., 129, 1884, стр. 154; W. How, J. Wells, A Commentary on Herodotus, II, Oxf., 1912, ad V, 97, 2; Appendix XVII, § 3; F. Jacoby, Herodotos, RE, Supplbd. II, Stuttgart., 1913, стр. 438; De Sanctis, Aristagora di Mileto, Rivista di Filologia classica, 59, 1931, стр. 49—54.

⁴ G. Grunder, The Great Persian War, L., 1901, стр. 93: «Рассказ об Ионийском восстании является той частью истории Геродота, где обнаруживаются наиболее ясно его собственные взгляды. Восстание для него казалось ошибкой века»; см. также

шись к тексту Геродота. Об отрицательном отношении к Ионийскому восстанию можно судить на основании слов самого историка. Вот, например, как Геродот относится к тому, что афиняне предоставили помощь ионийцам. «Щедрыми обещаниями,— говорит Геродот,— и настойчивыми просьбами Аристагор, наконец, склонил афинян на свою сторону. Оказалось легче провести многих, нежели одного, так как одного лакедемонянина, Клеомена, он не смог провести, тогда как провел 30 тысяч афинян». Афиняне отправили на помощь ионийцам 20 кораблей. «Эти-то корабли, — далее говорит Геродот,— и положили начало бедам как эллинов, так и варваров»⁵. В другом случае, рассказывая о том, как Аристагор подстрекал к восстанию фригийцев, Геродот от себя добавляет, что от этого для ионийцев не ожидалось никакой пользы (V, 98). Затем Геродот отмечает, что сожжение персами эллинских храмов было актом возмездия, так как восставшие сожгли в Сардах храм Кибелы (V, 102).

Все эти и другие сентенции, о которых будет сказано ниже, принадлежат самому Геродоту и высказаны им не под влиянием источников, но на основании его собственного отношения к этим событиям. Однако тогда встает вопрос: почему именно такой была позиция Геродота по отношению к восстанию? Объяснение можно получить, вновь обратившись к геродотовскому рассказу. Он излагал события ионийского восстания, идя по горячим следам. После разгрома Милета персами и до времени написания Геродотом истории прошло не более 40—50 лет⁶. Поэтому бесспорно, что само поражение восстания и его тяжелые последствия для ионийцев сыграли определяющую роль в формировании собственно геродотовского отношения к этим событиям. Рассказывая о делах ионийцев, Геродот старается выделить именно те факты, которые и указывали на обреченность этого восстания. Итак, Геродот полагал, вероятно, что ионийцы во главе с Милетом взялись за дело, которое им было не под силу по причине непреодолимости персидского могущества. Эту мысль Геродот проводит уже в самом начале своего рассказа. Когда Аристагор собрал своих единомышленников и высказал им свое решение о восстании, Гекатей выступил против войны с персидским царем, при этом он перечислял все те народы, которые находились под властью Дария, и указывал на его могущество. Геродот с грустью замечает, что убедить Аристагора Гекатею не удалось (V, 36). Примечательной в этом отношении является речь Аристагора в Спарте и последующие к ней комментарии самого Геродота. Если сравнивать речь и комментарии к ней, то прежде всего бросается в глаза расхождение между ними и даже, более того, противопоставление. Как известно, Аристагор прибыл в Спарту с картой, которая, как предполагают многие исследователи, была составлена Гекатеем. Аристагор убеждал Клеомена, что можно очень легко покорить азиатские народы и захватить персидскую столицу Сузы. В качестве доказательства он стал показывать Клеомену по своей карте, какие народы живут по пути к столице Великого царя и какими богатствами они владеют (V, 49—50). Комментируя сказанное Аристагором, Геродот дает более подробную характеристику этого пути с перечислением всех станций и персидских укреплений, с точным указанием расстояния между ними. Итак, по словам Аристагора, этот путь очень легкий, потому что на всем его протяжении нет никаких военных

B. N i e s e, Kritische Bemerkungen über die älteren griechischen Geschichte, «Historische Zeitschrift», XLIII, 1880, стр. 393; H. H a v e t t e, Hérodote, historien des guerres Médiques, P., 1894, стр. 205 слл.; Hérodote et les Ioniens, REG, I, 1888, стр. 258; H. B e r v e, Griechische Geschichte, т. I, 1931, стр. 220; L. S o l m s e n, Speeches in Herodotus account of the Ionian Revolt, AJPh, 64, 1953, стр. 200 и сл.; K. v o n F r i t z, Die Griechische Geschichtsschreibung т. I (Text), B., 1967 стр. 416, 418; M. L a n g, Herodotus and the Ionian Revolt, «Historia», 17, 1968, стр. 24 и сл.

⁵ Хау и Уэллс (H o w, W e l l s, A Commentary..., ad. Her., V, 97, 2) полагают, что в данном случае Геродот пользовался спартанским источником. Однако мы думаем, что здесь отразились собственные взгляды Геродота, который считал Ионийское восстание *αίτιον* персидского нашествия (см. также K. A. P a g e l, Die Bedeutung des aitiologischen Moments für Herodotes Geschichtsschreibung, Diss., B., 1927, стр. 25 и сл.; S o l m s e n, ук. соч., стр. 200 и сл.)

⁶ Так, Ф. Якоби (ук. соч., стр. 266) предполагает, что собрание Геродотом материала для своей истории проходило во время его путешествий, относящихся к 455—447 гг. до н. э.

укреплений, а народы, покоренные персами, вынужденные платить дань Великому царю, будучи недовольны своим положением, легко покорятся спагтам. Согласно же Геродоту, весь этот путь прекрасно охраняется и контролируется персами с помощью их стоянок и военных укреплений, которые расположены так, что их невозможно обойти.

Ученые уже давно заметили такое расхождение между речью Аристагора и комментарием Геродота. Дж. Майрс и К. фон Фриц предполагают, что Аристагор и Геродот пользовались двумя различными картами. Аристагор в повествовании Геродота ссылается на карту, составленную Гекатеем. Геродот же составил свой рассказ на основании какой-то персидской карты⁷. С этим предположением, вероятно, следует согласиться, но к этому, как нам представляется, можно еще добавить, что Геродот, по всей вероятности, сознательно противопоставил свой комментарий речи Аристагора для того, чтобы показать, насколько могущественна персидская держава, покорившая все восточные народы, и насколько нереальны поэтому были планы Аристагора. Проводя на протяжении всего своего рассказа мысль о непреодолимом могуществе персидского царя, Геродот в то же время отмечает, что у самих восставших не хватало необходимых средств для ведения войны. Аристагор признается изгнанником из Наксоса, что не располагает таким войском, с помощью которого они могли бы вернуться на родину (Herod., V, 30). Эту же мысль Геродот вкладывает в уста Гекатея на собрании единомышленников Аристагора. Гекатей, не убедив Аристагора отказаться от бессмысленной затеи вступить в борьбу с персами, предложил, ввиду слабости Милета, завладеть сокровищами храма в Бранхидах, пожертвованными лидийским царем Крезом. Однако предложение Гекатея не было принято.

Согласно Геродоту, среди восставших не было единства. Так, имели место распри между вождями киприотов и ионийцев (V, 109). Во время сражения близ города Саламина на Кипре между персами и восставшими греками воины из нескольких кипрских городов предательски покинули поле битвы (V, 104, 114). Незадолго до падения Милета возникли распри между милетянами и фокейцами (VI, 12). Самосцы покинули Ионийский союз (VI, 13), и их примеру последовало и большинство остальных ионийцев (VI, 14).

Итак, могущество персидской державы, которая покорила государства Востока, Египет и вышла на север к Македонии (V, 17—21), а на юге — к Кирене (III, 13), недостаток средств у самих восставших для ведения войны против персов, неорганизованность восставших и распри между ними, глубокое проникновение проперсидских настроений в различные слои населения малоазиатских городов, отсутствие подлинного панэллинского единства как среди малоазиатских греков, так и среди государств материковой Эллады — все это были основные причины поражения восстания. В то же время они могут свидетельствовать о том, что восстание с самого начала было обречено на неудачу. Поэтому-то отношение Геродота к восстанию было резко отрицательным. Его более привлекали противники восстания, например Гекатей, Клеомен, Дельфы (VI, 19). Неодобрительно же он относится к афинской помощи Аристагору и особенно отрицательно настроен против руководителей Ионийского восстания Аристагора и Гистизия, которые сами были тесно связаны с персами.

Некоторые современные ученые, характеризуя рассказ Геродота об Ионийском восстании, слишком стесняются краски. Подражая Плутарху, они стараются использовать его свидетельство об Ионийском восстании как доказательство злокозненности историка⁸. Вот, например, какую характеристику дает рассказу Геродота М. Кэри: «Эта глава его истории показывает нам Геродота в наихудшем свете. Геродот сообщает цепь более или менее бессвязных рассказов, в которых часто трудно уловить причинно-

⁷ J. L. M u r g e s, *Herodotus, Father of History*, Oxf., 1953, стр. 613 и сл.; von F r i t z, *ук. соч.*, т. I, Text, стр. 56; Anmerkungen, стр. 42, № 43.

⁸ Но парадокс заключается как раз в том, что среди множества примеров, которыми Плутарх изобличает Геродота в злокозненности, мы не находим ни единого критического замечания по поводу его рассказа об Ионийском восстании.

следственные связи. Геродот дает почти карикатурную картину восстания. В его глазах оно было лишь импульсивным толчком и его причины были не глубже, чем интриги двух греческих авантюристов, желавших выудить рыбку в мутной воде»⁹. Еще более категорично по поводу описания Ионийского восстания у Геродота высказывается М. Лэнг: «Так как рассказ Геродота составлен в соответствии с его предрассудками из историй, отобранных под влиянием этих же предрассудков, то мы не должны надеяться открыть правду о восстании, приняв его рассказ в целом или даже выбрав из него то, что нам кажется наиболее исторически возможным и вероятным»¹⁰. На этом взгляде М. Лэнг нужно остановиться несколько подробнее. Мы можем с ней согласиться лишь в том, что поражение Ионийского восстания повлияло на взгляды Геродота и на его отношение к восстанию. Однако дальнейшие утверждения автора вызывают серьезную неудовлетворенность и даже принципиальное несогласие. М. Лэнг утверждает, что предрассудки Геродота, связанные с его отрицательным отношением к Ионийскому восстанию, сыграли основную роль не только при отборе им материала, но и при подаче его (стр. 24). Эту мысль она расшифровывает следующим образом. Геродот под влиянием того, что ему было известно о поражении Ионийского восстания приукрасил (colored) и искажил (distorted) подлинные факты этих событий. По мнению М. Лэнг, Геродот изобразил восстание не как всеобщее движение ионийских городов с определенными политическими целями, но как прихоть двух греческих авантюристов, причем только в их деятельности Геродот якобы и видел основную и единственную причину восстания. Гистияэ и Аристагор организовали его для того, чтобы исполнить свои честолюбивые планы, но оно потерпело поражение, потому что эти личности действовали либо вопреки здравому смыслу, либо потому, что оказались в плену своих собственных амбиций (стр. 27, 35). Однако М. Лэнг понимает, какую ответственность она берет на себя, высказывая подобного рода мысли. Ведь Геродот — наш единственный и непосредственный источник. Поэтому М. Лэнг пытается, исходя из фактов Геродота, уничтожить собственно геродотовскую версию об этом восстании и реконструировать подлинно исторические события. При этом она не высказывает ничего нового, но лишь стремится очистить Аристагора и Гистияэ от авантюризма, якобы приписанного им Геродотом. Подобного рода попытки предпринимались исследователями неоднократно¹¹.

Наше несогласие с автором касается прежде всего ее отношения к Геродоту как историку. По этому вопросу мы занимаем позицию, принципиально противоположную позиции М. Лэнг. В данной работе не место исследовать эту проблему в целом, поэтому мы лишь сослемся на тех ученых, которые с доверием относятся к свидетельствам Геродота¹². Что же касается суждений Геродота об Ионийском восстании, то ниже мы попытаемся показать, что даже этот конкретный пример не позволяет говорить о Геродоте подобным образом. Общеизвестно, насколько трудно реконструировать исторические факты даже в том случае, когда имеются параллельные сведения об исследуемом событии. М. Лэнг же, пытаясь реконструировать Геродота, исходя только из Геродота, вступает на путь, который не может привести ее к успеху. Здесь уместно вспомнить общеизвестный тезис, высказанный Б. Низе: «Геродота нужно не дополнять, но объяснять»¹³. Что касается авантюризма Аристагора и Гистияэ, то в этом вопросе мы присоединяемся к мнению Ю. Белоха¹⁴, правильность которого недавно подтвердил Г. Бенгтсон¹⁵. Личные мотивы ионийских политиков необходимо учиты-

⁹ Саг у, ук. соч., стр. 215.

¹⁰ L a n g, ук. соч., стр. 24—37.

¹¹ G r u n d y, ук. соч., стр. 84; D e S a n c t i s, ук. соч., стр. 49—54.

¹² J. W e l l s, Studies in Herodotus, Oxf., 1923; F. F o c k e, Herodot als Historiker, Tüb. Beitr. z. Altertumswissenschaft, I, 1927; O. R e g e n b o g e n, Herodot und sein Werk. «Die Antike», VI, 1930, стр. 202 и сл.; M. P o h l e n z, Herodot. Der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes, Lpz, 1937; E. S c h w a r t z, Geschichtsschreibung und Geschichte bei den Hellenen, B., 1938; von F r i t z, ук. соч., стр. 407—475.

¹³ B. N i e s e, Herodotstudien besonders zur spartanischen Geschichte, «Hermes», 42, 1907, стр. 422.

¹⁴ J. B e l o c h, Griechische Geschichte, т. II (I), B., 1924, § 7, прим. 4.

¹⁵ H. B e n g t s o n, Griechische Geschichte, München, 1960, стр. 151.

вать при характеристике причин Ионийского восстания. Однако не следует также пренебрегать и недостатками рассказа Геродота. Действительно, его повествование характеризуется некоторой беспорядочностью. Геродот слишком много места уделяет лидерам восстания, но часто мы не находим у него связей между планами Аристагора, Гистиея и теми событиями, о которых он рассказывает. Не чувствуется связи между действиями Аристагора и Гистиея. Эти и другие недостатки отмечают даже те исследователи, которые вовсе не считают, что Геродот искажает факты¹⁶. Может быть, причину этого следует видеть в том, что главным источником Геродота была устная традиция, причем Геродот ведет рассказ не от имени одного лица и даже не от имени одного города. Сведения об Ионийском восстании он получил как в материковой Греции (Афины, Спарта), так и в различных городах Малой Азии. Это создавало определенную трудность при систематизации фактов, учитывая при этом, что Геродот старался передать все, что слышал. Однако в целом мы считаем его рассказ достоверным. Он, как уже говорилось, вполне правильно указал на те факты, которые привели Ионийское восстание к поражению.

Теперь посмотрим, раскрывает ли Геродот причины возникновения восстания. Его рассказ начинается интригами Аристагора и Гистиея, и складывается впечатление, что, по мнению Геродота, это и была единственная причина восстания. Так, например, Т. Леншау, исследуя причины Ионийского восстания, утверждает, что главный недостаток геродотовского рассказа заключается в том, что в нем мы не находим истинных причин восстания¹⁷. Геродот изображает дело таким образом, что все движение произошло из-за деятельности двух авантюристов и якобы никакого объединения всех ионийских городов не последовало в ответ на призыв Гистиея. Поэтому Т. Леншау, анализируя и суммируя все другие свидетельства Геродота об Ионии, ионийской торговле и колонизации, приходит к выводу, что главными причинами Ионийского восстания были не политические и национальные, но экономические¹⁸.

На односторонний подход Т. Леншау к проблеме указал Г. Бенгтсон¹⁹, отметив, что политические причины имели не менее решающее значение для начала восстания. Мы же хотим показать, что и в рассказе Геродота отразились не только интриги Аристагора и Гистиея, но также и подлинные экономические и политические причины восстания. Прежде всего следует отметить, что нельзя требовать от Геродота ясного выделения причинно-следственных связей и четкого разграничения между причиной и поводом, как это имело место в истории Фукидида. Это, может быть, объясняется тем, что, во-первых, у Геродота могло еще и не сложиться правильного представления об этих категориях и их взаимосвязи, во-вторых, труд Геродота в отличие от труда Фукидида нельзя назвать историей в собственном смысле. История Геродота — это в то же время и художественное произведение, в котором автор, вероятно, не ставил перед собой задачу выдвижения на передний план причин восстания. Это также может служить одним из объяснений того, почему Геродот слишком много внимания уделяет личностям Аристагора и Гистиея. Однако если даже Геродот и рассматривал интриги милетских тиранов как причину восстания, то он понимал, что это была не единственная причина. В этом отношении очень важна фраза у Геродота, сказанная Гистиеем (V, 106: Ἰώνες γὰρ σπῆσαι ἐμὲ ἐξ ὀφθαλμῶν σφί γενομένου ποιῆσαι τῶν παλαιῶν ἔμερον εἶχον). Итак, возникает вопрос: почему ионийцы уже давно были склонны к восстанию? Дает ли на него ответ Геродот? По его мнению, одним из первых мероприятий Аристагора было упразднение тирании в ионийских городах и замена ее равноправием (V, 36, 38). Как говорит Геродот, Аристагор поступил таким образом для того, чтоб заручиться поддержкой всех ионийцев. Поступок Аристагора объясняется тем, что ионийцы уже давно тиготи-

¹⁶ von F r i t z, ук. соч., т. I (Text), стр. 341—354, 416—417.

¹⁷ Th. L e n s c h a u, Zur Geschichte Ionien. Die Ursachen des Ionischen Aufstandes, «Klio», 13, 1913, стр. 175.

¹⁸ Там же, стр. 176—183.

¹⁹ B e n g t s o n, ук. соч., стр. 150; см. также J. W o l s k i, Les grecs et les Ioniens au temps des guerres Médiques, «Eos», LVIII, 1969/70, стр. 35.

лись отсутствием свободы²⁰. Ведь тираны, в том числе и Гистиэй, а затем и Аристагор, были персидскими ставленниками в этих городах. В период персидского господства фактически автономия ионийских городов, существовавшая во времена Креза, была полностью уничтожена. Геродот неоднократно указывает на противоположность между лидийским и персидским господством над ионийскими городами (I, 27, 76, 14; IV, 138). Не случайно Мардоний, даже после того как восстание уже было подавлено, отправляясь в 492 г. до н. э. против Эллады и стремясь укрепить тыл, восстановил в ионийских городах демократию (Herod., VI, 43). Наряду с упразднением тирании восставшие стремились любыми путями установить свое господство на море. Это всеобщее желание восставших Геродот высказывает устами Гекатея (V, 36). Талассократия важна была для ионийцев, и особенно для Милета, не только с точки зрения стратегических позиций. Согласно Геродоту, Милет в это время имел относительно высокое экономическое развитие²¹. Однако торговля, прежде всего причерноморская и египетская, контролировалась персами (VII, 147). Таким образом, стремление восставших установить господство на море диктовалось также экономическими причинами. Итак, у Геродота были основания заявлять, что ионийцы уже издавна были склонны к восстанию. Однако не было удобного случая, чтобы восстание началось, иными словами, не было повода. И вот благодаря интригам Аристагора и Гистиэя повод для восстания появился. Организуя экспедицию против Наксоса (Herod., V, 30—35), Аристагор, возможно, преследовал честолюбивые цели. Однако после того как накссоская экспедиция провалилась и Аристагор поссорился с персидским командованием, он, боясь мести со стороны Великого царя и недовольства милетян, возглавил восстание против персов. Восстание быстро распространилось по всему побережью Малой Азии от Геллеспонта на севере до Карию на юге (V, 37—38). Такая активная поддержка Милета другими эллическими городами показывает, что почва для восстания была подготовлена уже давно.

Итак, проанализировав свидетельства Геродота об Ионийском восстании, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, Геродот действительно отрицательно относился к идее восстания. Эта позиция объясняется главным образом его собственными взглядами, а не зависимостью от источников. Во-вторых, несмотря на такую позицию, Геродот в принципе правильно раскрыл причины возникновения восстания и его поражения. Если он начинает свой рассказ интригами Аристагора и Гистиэя, то ошибка его, возможно, заключается лишь в том, что он не провел четкого разграничения между поводом и причинами восстания. Однако, как мы пытались доказать, Геродот понимал, что существовали более глубокие причины, обусловившие ненависть ионийцев к персам и склонность их к восстанию задолго до того, как Аристагор стал осуществлять свои честолюбивые планы. Таким образом, нет необходимости разрушать собственно геродотовскую версию об Ионийском восстании, как это предлагает М. Лэнг. Хотя Геродот и относился отрицательно к восстанию, но его сведения вполне достаточны, чтобы в восстании видеть движение ионийских городов, имеющие определенные экономические и политические цели.

Какова же была политика Спарты по отношению к Ионийскому восстанию? Решение этой проблемы представляет определенную трудность, заключающуюся в том, что мы располагаем единственным свидетельством Геродота о происках Аристагора в Спарте. Согласно Геродоту, после того как восстание уже началось, Аристагор и его единомышленники осознавали, что для борьбы с персами одних только ионийских сил явно недостаточно. Поэтому они решили заручиться поддержкой могущественных государств материковой Греции. С этим намерением Аристагор и отправился в Спарту. По прибытии в Лакедемон Аристагор беседовал со спартанским царем Клеоменом, убеждая его предоставить помощь в борьбе против персов. Однако Клеомен отказал Аристагору. Свой рассказ о пребывании Аристагора в Спарте Геродот составил на

²⁰ Некоторые ионийские города позволили своим тиранам удалиться в изгнание, другие же предали их казни (Herod., V, 37—38).

²¹ Археологические данные об ионийской торговле и колонизации см. C. R o e b u c k, *Ionian Trade and Colonisation*, N. Y., 1959.

основе сведений, полученных в Лакедемонне (V, 49), но в нем отразились и собственные взгляды историка. Легко заметить, что симпатии Геродота всецело на стороне Клеомена и спартанцев. Собственные взгляды Геродота нашли отражение и в построенной им речи Аристагора. Эта речь неоднократно становилась объектом исследования современных историков. Некоторые ученые концентрировали свое внимание на географическом содержании речи, описании Малой Азии и предполагали, что Геродот поместил речь для того, чтобы ввести свое описание царского пути от Ионийского побережья к Сузам²². Другие рассматривали речь как λόγος, целью которого было показать контраст между ионийским краспоречьем и спартанским лаконизмом²³. Однако такая интерпретация концентрировала внимание только на одной стороне речи и пренебрегала другими чертами, которые делают эту речь неотъемлемой частью того текста, в котором она находится. У многих историков аргументация речи Аристагора вызывала недоумение²⁴. Ученые пытались по-разному объяснить эту аргументацию²⁵, но ни одно из этих объяснений нельзя назвать удовлетворительным. Наиболее правильный взгляд по поводу этой речи, как нам представляется, высказал Л. Солмсен²⁶. Он отмечает, что речь Аристагора нельзя рассматривать как фактическое воспроизведение того, что на самом деле он говорил. Эта речь была создана Геродотом, как и другие речи, посвященные Ионийскому восстанию. Сравнивая речь Аристагора в Сардах (V, 31) и Спарте (V, 49), Солмсен убедительно показывает, что обе речи абсолютно одинаковы по своей структуре. Геродот ввел речь Аристагора в текст для того, чтобы показать благоразумие спартанцев и авантюризм Аристагора. Это достигается методом противопоставлений. Аристагор начинает свою речь следующими словами: «Для нас самих является величайшим позором и огорчением, что ионяне находятся в порабощении, а не пользуются свободой. Поэтому эллинскими богами заклинаю вас освободить от рабства ионийцев». Цинично звучат слова о свободе ионийских эллинов в устах человека, который незадолго до этого мечтал с помощью персов установить свое господство над островами Эгейского моря. Г. Гранди пытался изобразить Аристагора более дальновидным политиком, чем он был на самом деле²⁷. Он предполагал, что такие слова мог сказать человек, уже давно склонный к восстанию против персов. По его мнению, наксосскую экспедицию следует рассматривать как признак политической прозорливости Аристагора, который таким образом хотел организовать и сконцентрировать ионийский флот. Дж. Уэллс убедительно доказал неприемлемость выводов Г. Гранди²⁸. На наш взгляд, наиболее правильное мнение, как уже отмечалось, высказал Ю. Белох — Аристагор на самом деле был авантюристом, и его действия послужили поводом для развертывания Ионийского восстания²⁹. Дальнейшее содержание речи еще более подчеркивает авантюристическую политику Аристагора. Начав свое выступление просьбой о помощи ради свободы азиатских эллинов, Аристагор заключил его призывом к Клеомену и спартамцам организовать грабительский поход в Сузы. Причем Аристагор изобразил этот поход как легкую прогулку. Противопоставляя сказанному Аристагором свой комментарий, Геродот отмечает, что путь в Сузы отнюдь не был прогулкой, но трудным и фактически невыполнимым мероприятием. Некоторые исследователи, стремясь защитить Аристагора, исправляют Геродота и предполагают,

²² Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, t. III, 1901, стр. 303; Jacoby, ук. соч., стр. 344, 390, 439; How, Wells, ук. соч., ad V, 49; A. Deffner, *Die Rede bei Herodotos und ihre Weiterbildung bei Thukydides*, Diss., Munich, 1933, стр. 66.

²³ W. Aly, *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodotos*, Göttingen, 1921, стр. 145—146; A. Havette, *Hérodote et les Ioniens*, REG, I, 1888, стр. 279—280.

²⁴ R. W. Macan, *Hérodote*, IV—VI, L., 1895, ad V, 49; G. Grote, *A History of Greece*, t. IV, L., 1849, стр. 389; Grundy, ук. соч., стр. 91; Cary, ук. соч., стр. 220.

²⁵ Г. Грот и Р. Маган указывают на анахронизм в тексте Геродота. Г. Гранди и М. Кэри исправляют его текст.

²⁶ Solmsen, ук. соч., стр. 189.

²⁷ Grundy, ук. соч., стр. 84 и сл.; Lang, ук. соч., стр. 26.

²⁸ How, Wells, ук. соч., т. II ad V, 36.1.

²⁹ Beloch, ук. соч., т. II (I), § 7, № 4; см. также Bengtson, ук. соч., стр. 151; Evans, ук. соч., стр. 118—123.

что Аристагор говорил в Спарте об освободительном походе эллинов против Сард³⁰, потому что именно этот поход был организован восставшими вместе с афинянами и эретрийцами. Однако нам представляется, что экспедиция в Сарды несколько не противоречит тому плану Аристагора, о котором говорил Геродот. Если после взятия и поджога Сард восставшие не пошли дальше в глубь персидской державы, то это можно расценивать как признание того, что дальнейший поход в Азию был бы фактически безрезультатным и даже гибельным для восстания. Наконец, Геродот, изображая Аристагора способным даже на подкуп ради осуществления своих честолюбивых планов, противопоставляет его твердой и принципиальной позиции Клеомена. Итак, хотя речь Аристагора в Спарте составлена самим Геродотом, тем не менее мы не считаем, что он совершенно исказил позицию этого милетского тирана, представив его как авантюриста.

Хотя речь Аристагора нельзя рассматривать как важный исторический источник, в ней отразились два факта, заслуживающие особого внимания. Во-первых, само обращение Аристагора в Спарту за помощью и, во-вторых, отказ лакедемонян участвовать в Ионийском восстании. Почему именно в Спарту прежде всего обратился Аристагор, объяснить нетрудно. Еще со времен Креза ионийские эллины считали Спарту могущественным государством Эллады (I, 69, 152). В начале V в. до н. э. эта слава по-прежнему сохранялась за лакедемонянами. Обращаясь в Спарту, Аристагор надеялся получить не только спартанских гоплитов, но и морскую помощь лакедемонских союзников. Более трудным является вопрос, который исследователи уже неоднократно ставили перед собой: почему Спарта отказалась участвовать в Ионийском восстании?

С середины XIX в. ученые стали осуждать спартанцев, называя их политику по отношению к Ионийскому восстанию безрассудной и недальновидной³¹. Лакедемоняне, как полагали эти исследователи, должны были предоставить помощь Ионии, ибо вмешательство пелопоннесской лиги означало бы поддержку восставших двумя флотами (коринфским и эгинским). Переправа же спартанских гоплитов в Азию дала бы возможность отбросить персов с побережья, предотвратить окончательное присоединение Ионии с ее флотом к персам и отдалить на неопределенное время персидское нашествие на Грецию. Такие упреки в адрес спартанской внешней политики фактически несколько не помогают решению поставленной проблемы. С критикой этих взглядов впервые выступил Б. Низе³². В 30-е годы ученые окончательно порвали с подобным подходом к спартанской внешней политике, пытаясь вскрыть причины действий лакедемонян по отношению к Ионийскому восстанию.

В настоящее время многие исследователи приходят к выводу, что главной причиной, обусловившей отказ спартанцев предоставить помощь восставшим, была готовившаяся война между Спартой и Аргосом³³. Однако нам представляется, что в данном случае нельзя с помощью только одной какой-либо причины объяснить действия лакедемонян³⁴. Необходимо учитывать как события в самой Спарте, так и положение во всей Греции, потому что отношение Спарты к Ионийскому восстанию фактически определялось ее политикой по отношению к Персии. Что касается войны с Аргосом, то ее подлинная дата в настоящее время представляет собой предмет спора. Мы считаем, что наиболее приемлемой датой разгрома Аргоса является 520 г. до н. э. Те ученые, кото-

³⁰ How, Wells, ук. соч., т. II, Append. XVII, 3, стр. 351.

³¹ L. Herbst, Jahrb. f. Kl. Ph., т. 77, 1858, стр. 717 (рец. на книгу G. F. Hertzberg, Das Leben des Königs Agesilaos II von Sparta. Hegemonie und Politik); G. Busolt, Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, т. I, Gotha, 1876, стр. 326; Beloch, ук. соч., т. I, стр. 348; How, Wells, ук. соч., т. II, ad V, 49—51, Append. XVII, стр. 351; De Sanctis, ук. соч., стр. 48—72.

³² Niese, ук. соч., стр. 398—410.

³³ Busolt, ук. соч., т. II, 1895, стр. 541; Jahrb. f. Kl. Ph., CXXIX, 1884, стр. 154 и сл.; Vehrenberg, Sparta, RE, Hbbd. VI, 1929, стр. 1385; J. A. O. Larsen, Sparta and Ionian Revolt, Cl. Ph., 37, 1932, стр. 136 и сл.; Bengtson, ук. соч., 1960, стр. 152; Huxley, Early Sparta, L., 1962, стр. 62.

³⁴ J. Wolski, Atheny Sparta a kwestia greków maloaziatyckich, Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego, CCXXII; Prace historyczne, zeszyt 30, 1970, стр. 21.

рые относят разгром Аргоса ко времени Ионийского восстания, в качестве доказательства используют следующую фразу из речи Аристагора в Спарте: «Стоит ли вам, лакедемоняне, из-за области небольшой, не столь благодатной, заключенной в узкие границы, вступать в битвы с мессенянами, которые к тому же равносильные вам, а также с аркадянами и аргосцами, у которых нет ничего похожего на золото или серебро, из-за чего люди готовы сражаться насмерть». Уже Дж. Уэллс указал на сомнительную ценность этого доказательства³⁵. Эд. Мейер, являясь сторонником поздней даты разгрома Милета, все же нашел необходимым отметить, что этот аргумент не может служить объяснением отказа спартанцев предоставить помощь Аристагору³⁶. Исходя из того, что речь Аристагора нельзя рассматривать как подлинно исторический источник, мы также считаем, что эти слова Геродота невозможно воспринимать как указание на конкретные войны, которые Спарта в данный момент вела или собиралась развязать с Мессенией, Аргосом и Аркадией. Трудно поверить, что Спарта настолько открыто вела подготовку к грядущей войне с Аргосом или с другими государствами, что о ней знали даже в Милете³⁷. По всей вероятности, слова Геродота в данном контексте представляют собой *τοπος κοινος*. Геродот не раз в различных местах своего труда говорит о войнах Спарты с указанными народами³⁸. Кроме того, и последующие авторы неоднократно отмечают, что Спарта постоянно воевала с Аргосом, Мессенией и Аркадией. Возникновение этих войн относится еще к глубокой древности, и прекратились они только во время македонского господства в Греции. Учитывая, что речь Аристагора составлена самим Геродотом, наше предположение об употреблении им *τοπος κοινος* вполне возможно. Эта фраза в речи Аристагора имеет риторическую окраску.

Итак, если не Аргос сдерживал Спарту, то чем же руководствовались лакедемоняне, отказывая в помощи Аристагору? Выше уже отмечалось, что, вероятно, следует говорить о совокупности причин, вытекающих из внутри- и внешнеполитического положения Спарты. Внутри самого спартанского государства политическая обстановка была накалена из-за недавнего (около 506 г. до н. э.: V, 75) конфликта между Клеоменом и Демаратом. Правда, Демарат своими действиями не подорвал авторитет Клеомена, хотя и сорвал его план подчинения Афин спартанскому господству. Как известно, сразу же после неудачного похода против Афин в Спарте был принят закон, согласно которому во время войны во главе войска должен был выступать только один царь. По своему содержанию этот закон как будто не давал преимущества ни одному из царей. Тем не менее при том авторитете, которым пользовался Клеомен в Спарте, именно он мог извлечь пользу из этого законодательства. Прибыв в Спарту, Аристагор, согласно Геродоту, вел переговоры только с Клеоменом. Это говорит о том, что могущество царя не было поколеблено. Однако Демарат не был окончательно побежден, и в период эгинского кризиса в 492/1 г. до н. э. его активность настолько усилилась, что Клеомен вынужден был предпринять самые энергичные меры для устранения Демарата от власти. Поэтому Клеомен, не желая подвергать себя риску, не хотел удалиться от Спарты так далеко и надолго, при этом не будучи уверен в действительном успехе задуманного Аристагором мероприятия. Милетский тиран прибыл в Спарту как раз в то время, когда несколько пошатнулся авторитет Спарты среди ее союзников и началось даже брожение среди них. В период борьбы против Афинской демократии Спарта не добилась успеха. Коринф в последние годы VI в. до н. э. возглавил оппозицию против стремления лакедемонян распространить свое влияние за Истм. Натянутыми были также отношения между Спартой и Эгиной. Во время борьбы с Аргосом Клеомен заставил эгинцев предоставить ему корабли для переправы войска по морю и участвовать в битве при Сеее. Таким образом, Клеомен силой навязал эгинцам спартанское

³⁵ Wells, ук. соч., стр. 78.

³⁶ Meyer, Geschichte des Altertums, т. IV, 1, стр. 283.

³⁷ Фукидид (V, 68) отмечает секретный характер спартанской внутренней и внешней политики.

³⁸ Herod., I, 66; V, 49; IX, 35 (войны с аркадцами); I, 82; V, 49; VI, 77—82; VII, 149, 152; IX, 35 (с аргосцами); III, 47; V, 49; IX, 35, 64 (с мессенцами).

господство, которое они, однако, не признавали. В 492 г. до н. э. эгинцы окончательно отказались от союза со Спартой, подчинившись персам. Торговые связи Эгины в Восточной Эгееде заставляли ее идти на соглашение с Великим царем. В этих условиях Спарта, естественно, опасалась, как бы поражение, которое она могла потерпеть в столкновении с персами, не отразилось отрицательно на ее и без того уже поколебленных позициях в Греции и Пелопоннесе. Выше мы уже говорили, что, отказывая в помощи ионийцам, Спарта фактически руководствовалась своей политикой по отношению к Персии. Б. Низе, высказывая критические замечания по поводу тех исследователей, которые характеризовали политику Спарты в отношении к Ионийскому восстанию как эгоистическую и близорукую, отмечал, что в условиях, когда Персия, покорила все восточные государства и Египет, стала наиболее могущественной державой Востока, опасения Спарты, ведущего государства Эллады, усилились и отношение к Персии было основополагающим фактором ее внешней политики³⁹. Эту политику Спарта выработала сразу же после поражения Креза. Смысл ее заключался в невмешательстве в дела персов, дабы не быть втянутыми в военное столкновение с ними, от которого спартанцы не ожидали никакого успеха. Примеры обращений в Спарту за помощью со стороны малоазиатских греков и даже, возможно, скифов убедительно показывают, насколько последовательно лакедемоняне проводили эту политику в жизнь⁴⁰. Во время прибытия Аристагора в Спарту положение оказалось особенно опасным, потому что персы к этому времени уже стояли на границах материковой Греции. Отказ Спарты предоставить помощь Аристагору был обусловлен вовсе не желанием ее не допустить своим участием в восстании, чтобы чудовищная восточная сила получила формальный повод для нападения на Грецию, как думал Б. Низе⁴¹. Г. Бузольт правильно указывал, что агрессор всегда находит повод для развязывания войны⁴². Угроза персидского нашествия настоятельно требовала не растрачивать силы на дела бесперспективные, но объединить государства материковой Греции для отпора врагу. В создании такого союза во главе со Спартой лакедемоняне и Клеомен видели возможность укрепления спартанской гегемонии⁴³. Именно эту цель преследовал Клеомен, вступая накануне Марафонской битвы в дружественные отношения с Афинами и наказывая эгинцев за разрыв со Спартой. Таким образом, учитывая все эти моменты, можно заключить, что отказ лакедемонян поддержать Ионийское восстание был единственно правильным и наиболее разумным решением.

В. М. Строецкий

³⁹ N i e s e, ук. соч., стр. 407. Однако не следует сбрасывать со счетов также и традиционный консерватизм спартанской внешней политики, который сдерживал спартанскую агрессивность и создавал преграды для осуществления заморских внешнеполитических мероприятий (см. T h u s., I, 67 и сл.).

⁴⁰ Отказ лакедемонян предоставить помощь Аристагору И. Вольски (см. W o l s k i, Prace historyczne, стр. 32) рассматривает как следствие внутривосточной борьбы в Спарте между эфорами и царями. Цари, уже начиная со времени Клеомена, будучи ограничены эфоратом, стали отрицательно относиться к ионийским проблемам. Кроме того, И. Вольски (см. Eos, LVIII, 1969/70, стр. 36; Prace Historyczne, стр. 26) предполагает, что отрицательное отношение Спарты к ионийцам можно также объяснить и с точки зрения этнических противоречий. Однако мы не можем согласиться с выводами И. Вольски, во-первых, потому, что сведения Геродота не позволяют считать отказ Клеомена в помощи Аристагору как результат зависящего положения спартанского царя от эфоров. Во-вторых, хотя Спарта была дорийским государством, в своей внешней политике она руководствовалась не дорийской, но ахейской традицией. Справедливо поэтому отмечает Д. Личи (см. D. M. L e a c h u, The Dating of the Orithagorid Dynasty, Historia, XVII, 1968, стр. 23), что в этом отношении политика Спарты была скорее оппортунистической, чем доктринерской.

⁴¹ N i e s e, ук. соч., стр. 409.

⁴² B u s o l t, Sparta und Ionischer Aufstand, стр. 157.

⁴³ См. также Th. L e n s c h a u, «Klio», 1938, стр. 427. Мы не совсем согласны с X. Берве (см. B e r v e, Griechische Geschichte), что во время прибытия Аристагора в Спарту в материковой Греции никому не приходила в голову мысль о возможности общегреческих действий против варваров. Не согласны мы также и с мнением Ларсена (см. L a r s e n, ук. соч., стр. 136), что только победой над Аргосом, разгром которого, как он считает, совершился в 494 г. до н. э., Клеомен надеялся укрепить влияние Спарты как в Пелопоннесе, так и в остальной Греции.

THE IONIAN REVOLT AND SPARTA'S POSITION

by V. M. Strogetsky

A sceptical attitude towards the Herodotean account of the Ionian revolt has lately found expression in the literature. For example, M. Lang in a recent article «Herodotus and the Ionian Revolt» (*Historia* XVII, 1968, pp. 24 ff.) tries to prove that the information provided by Herodotus cannot, in the form in which he presents it, be used as evidence on which to base an evaluation of the Ionian revolt. However, analysis of this information permits the conclusion that it is authentic. Despite his negative attitude towards the idea of the revolt, Herodotus correctly assesses its economic and political causes and also the reasons why it failed.

Sparta's refusal to send aid to the Ionians cannot be explained by any one reason such as, for example, preparations for war with Argos (J. A. O. Larsen, «Sparta and the Ionian Revolt», *Cl. Phil.* XXXVII, 1932, pp. 136 ff.). Account must be taken of events in Sparta itself and of the situation in Greece as a whole, since Sparta's attitude towards the Ionian revolt was determined by policy towards Persia. The threat of a Persian invasion constantly demanded that forces not be expended on hopeless objectives and that the cities of mainland Greece stand fast together in readiness to repel the invaders.
